

Нет в карте / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Нет в карте / рассказ НЕТ НА КАРТЕ

Маршрут они тоже продумали в постели. И там же, как творческие натуры, объявили вне эстетического закона магнители, кружки и прочую плебейскую пошлость. Главное – это замысел. Замысел и исполнение. Мало настроить себя на ошеломительные впечатления, мало подготовить условия, нужно ежечасно сверяться, всё ли движется по плану. Ноль тридцать три умножаем на три и получаем почти единицу, почти целое. Одна десятая – та самая доля творчества, которая одухотворяет любое начинание, разве не так?

До Москвы постановили добираться поездами, а обратно в Иркутск – самолётом. В Красноярске они собрали коллекцию фото у фонтанов и едва не заблудились в Столбах. Новосибирск досадила маршем православных активистов и очаровал Музеем погребальной культуры, а Екатеринбург не зацепил ничем. В местном клубе они подцепили девочку в голубом топике и короткой юбке и привели на съёмную квартиру. Гостья искренне старалась, но не поразила. Вероника сочла её пресной, Алекс упрекнул в консерватизме, а Игорь постановил, что во всём виновато пиво с димедролом.

Казань обещала восполнить уральский авитаминоз. В рейтинге самых привлекательных городов для туристов она занимала третье место по России. Воображение подстёгивали легенды – о кладе, о крылатом драконе, о княжне, сбросившейся с башни. Время в поезде заполняли по-разному. Вероника раскладывала пасьянс, Алекс читал Славоя Жижека, а Игорь разгадывал сканворды. Поперечные нити, четыре буквы. Уток. Откуда ты это знаешь, Алекс? Дорогой Игрек, это слово годами мозолило мне глаза, поэтому в одиннадцать я бросил сканворды.

Их словно создали друг для друга.

Вероника преподавала в начальной школе по программе Петерсон и всех, кроме детей и сослуживцев, просила произносить её имя с ударением на второй слог. По старомодным очкам с толстыми стёклами Веронику ошибочно принимали за робкую, даже закрепощённую деву. Строгие костюмы прятали пирсинг и синяки. Лишь однажды Ника Опалова, чудный воробушек, увидела кровоподтёки от браслетов на запястье. Вероника Сергеевна, а что это у вас? Обожглась, когда пекла сливочное печенье. И про себя: ты ещё полос на спине не видела – чисто ковбой стегал.

Алекс специализировался на рекламном дизайне, сотрудничая параллельно с салонами красоты и масложиркомбинатом, с оппозиционерами и иркутской мэрией. Ярый метросексуал, он менял костюмы каждый сезон. От природы наделённый порядочностью, невысокий Алекс относил ненужную одежду в детские дома – рубашки с запонками, двубортные пиджаки, жилеты с цепочками like a sir. Кроме того, дизайнер пристрастился собирать редкие слова. Меня поглощает депривация. Собриология не панацея для современного общества, не так ли?

Вероника и Алекс подобрали Игоря на выставке реди-мэйда, где журналист с бутылкой непростительно дешёвого пива бродил между работами и в глаза проклинал каждого автора. На троих купили «Джек Дэниэлз» и поехали к Алексу. Бурбон и искренняя нежность успокоили Игоря. Как оказалось, до того вечера он терпел два года. Его язвительность и мизантропия отталкивали даже сочувствующих, а отвращение к продажной любви перекрывало спасительный шлюз. Обсессивность – это вредно, Алекс пальцем провёл незримую линию по спине журналиста. Бедный, несчастный, чувственно шептала Вероника, покусывая Игоря за ухо.

Их счастье не предназначалось для чужих глаз. Отношения зиждились на трёх китах. Не хвастайся. Позволь другому быть собой. Что-то не устраивает – проветришь на балконе и возвращайся.

Поезд прибыл в пять вечера, и Казань сходу откорректировала планы. Протискиваясь между лотков с пирожками и напитками и

носильщиками с тележками, трое искали выход в город. Коренастые таксисты из Средней Азии, словно зомбированные, твердили одно и то же. Один водитель европейской внешности представился Рамилем Валеевым и обещал за триста рэ довезти до гостиницы «Биляр», где они забронировали номер. До поездки Рамиль производил впечатление обходительного. Мы, татары, культурный народ, оседлый, говорил водитель. Чуреков кочующих на дух не выносим.

Когда тронулись, таксист преобразился. Там вот шиномонтажка, на втором этаже книжный и арт-площадка для хипстоты. Сто лет назад в том здании конюшня была. Тогда район Мокрой слободой назывался. В девятнадцатом веке жуткое место. Болота, грязь. Ночлежки – две копейки за койку плюс клопы изо всех щелей. Бродяги, крадуны, нищоброды, шлюхи. Во сне зарежут, обувь стащат и зароят в канаве. Полиция разбираться не станет. Сюда рискованные студенты являлись компаниями. Накидаются – и в бордель. А кто мне ответит, почему они должны накидаться? Нет, не для храбрости. Шлюхи уценённые, на трезвую голову не поднимется на таких, ха. Теперь иначе. Болота осушили – раз, вместо ночлежек построили вокзал, высотки, ЦУМ – два, преступников повывели – три. Цивилизация. Рамиль умудрялся загибать пальцы, держа руки на руле. Хотя и до Октября неплохо жилось. Бордели в Казани открывались повсюду и для всех – для студентов, для чиновников, для аристократов, для военных, для суконщиков. Ну хорошо-хорошо, дама, для всех, кроме женщин. И так же ясно.

Импульсивный таксист высадил растерянных пассажиров на тихой улице, где не ездил общественный транспорт, и укатил с тремястами рэ. Первой собралась Вероника. Это не отель, это универсам. Да уж, образцовая обфускация. Если верить «Дубль Гис», мы на Большой Красной, в центре города, а «Биляр» далековато будет. Вот и запрограммированные впечатления, вот и третья столица. Куда теперь? У меня голова отяжелела. А взор не помутился? Не поняла. Да ничего, будешь крекер?

Пока они втроём обсуждали, как выпутаться из положения, к ним

приблизился солидный господин. Вероника отметила его грустные глаза водянистого цвета, джентльменские усики и лукавый, как у Чингисхана на картинках, взгляд. Алекс оценил безупречный костюм английского покроя и платок, краешком вылезавший из кармана.

Вы издалека, я не ошибся? Незнакомец представился Анваром Спиридоновичем и пригласил троих друзей к себе в хостел. В юности я, романтик с растрёпанными волосами, исколесил весь Союз на попутках и поклялся себе в будущем воздать должное тем славным временам. И открыл своего рода клуб путешественников. Он совсем рядом. У нас прелестное место и много комнат в любое время года. Цена копеечная, ностальгия и энтузиазм творят чудеса.

Спасибо, у нас уже забронирован номер в «Билляре». Он же далеко. Мы вызовем такси. Если желаете, я распоряжусь насчёт отмены брони.

Ого. Это воскликнул Игорь, успевший разузнать кое-что о солидном господине в Интернете, пока его друзья говорили с ним. Анвар Спиридонович, уважаемый татарстанский деятель, регулярно появлялся на передовицах местных изданий, удостоенный самых лестных эпитетов, от «почётного» до «интеллигентного». А про ваш хостел в сети не слова. Его нет на карте, улыбнулся господин в английском костюме, популярность погубит идею клуба.

Они свернули с Большой Красной на Гоголя. Тротуары, тщательно вычищенные, пустовали, как и балконы. Из-за невысоких домов выплывала несуразная громадина зелёного цвета. Улица Гоголя упиралась в прямой угол из некрашенных деревянных ворот и решетчатой ограды из металла. За архаическими воротами, надо полагать, размещался не менее архаический дом с участком. Там, где кончались ворота, начиналась высокая металлическая ограда. Опясавшая зелёное здание, новаторское и странное, она отделяла его от случайных визитёров. Два мира столкнулись.

В своеобразии монстр давал фору множеству и множеству новоделов. Нарочито тяжеловесный на вид, он напоминал цитадель, спроектированную архитекторами талантливыми и безумными. О строгой геометрической форме речи не шло: в разных частях дом имел от четырёх до пятнадцати этажей, огромные продолговатые плиты болотного цвета, казалось, накладывались друг на друга в творческом помешательстве. Узкие окна смахивали на бойницы, вечернее солнце отражалось в выносных стеклянных экранах. Чёрные прямоугольные колонны с горизонтальными белыми полосами усиливали психоделический эффект. Громадину выстроили на краю обрыва, ведущего к реке, учитывая тонкости ландшафта, отчего дом на холме превращался в дом при холме.

Приметливый Алекс нашёл черты разных стилей: баухауза, органической архитектуры, конструктивизма и деконструктивизма. Под патронажем Вентури плодотворно дискутировали Ле Корбюзье и Фрэнк Ллойд Райт, Гропиус и Голосов.

Дом-трансформер. Ага, тетрис пьяного архитектора. А как он в действительности называется? Официального названия нет, среди казанцев прижилось выражение «Дом Шрека». Тоже оригинально. Приём у Каппеля подсмотрели: там психическая атака, тут психическая оборона. Привлекательная версия, молодой человек. Неужели это всё – хостел? Что вы, в здании сорок квартир, почти все принадлежат заслуженным чиновникам и другим деловым людям. Референция впечатляет, сразу сталинские высоты вспоминаются.

В дверях путников с колокольчиком встретила хрупкая блондинка с незаурядным бюстом. Друзья с Анваром Спиридоновичем пересекли холл. Изумрудный паркет из керамогранита сверкал, стены алебастрового цвета отдавали холодом, зеркальный потолок не позволял навскидку определить высоту. При заселении Игорь по привычке справился о документации и не обнаружил просчётов и подвохов.

Анвар Спиридонович вызвался проводить постояльцев. Поднявшись по лестнице с узорчатой балюстрадой на второй этаж, они

свернули в длинный коридор. На стенах висели в рамках фотографии тех, кто знаком каждому, хотя бы вполглаза или вполуха интересующемуся политикой. Недостигаемые личности на снимках прославились защитой сложившихся порядков или исключительной лояльностью к ним. Ясные взоры на фотографиях свидетельствовали о несокрушимом оптимизме и глубоком чувстве собственного достоинства.

Вот и ваш номер. Готов предложить настольные игры, бильярд, сауну – аутентичную финскую. Если увлекаетесь экскурсиями, то выбор велик. «Старая Казань», «Казань советская», «Казань мистическая», «Казань криминальная», «Крыши Казани» и так далее. А через час мы будем рады видеть вас на вечеринке для клуба путешественников. Вы придёте в восторг. Необычно и в высшей степени пристойно.

Оставшись одни, друзья осмотрелись в номере. Дизайнер словно страдал расщеплением личности. Полы из ламината, двухъярусные кровати, персональные шкафчики и торшеры определённо внёс в план середнячок-консерватор, живущий по принципу «всё, как у других». Обои с фэнтезийным ночным лесом, а также альков в стене, несомненно, породило воображение ценителя всего готического и сказочного. Реечный потолок тёмно-фиолетового цвета со встроенными светильниками и панно с роботами в пустыне представлялись задумкой инноватора-технократа, претендовавшего на художественный вкус.

Должно быть, это рай. Или ад. Иди ко мне, мой робот. Вероника Сергеевна, не сейчас. Ты возбуждаешь меня, когда потный. Погоди, у меня крекер в кармане раскрошился. Вы не представляете, сколько в Казани клубов: «Зажигалка», «69», «Тихое место», «Ферзь», «Распутин», «Ленин», «Барсукъ» – с твёрдым знаком после «ка». Ленин прикинулся барсуком, отвёл Распутина в тихое место и забил зажигалкой до барсучьего состояния. По-моему, ты утомился в пути, потому что шутка никудышная. Я даже не определился, кто меня больше смущает в качестве эротического бренда, Ленин или Распутин. А что так? С одной стороны, «Ленин» и «сексуальный» несовместимы в одном

контексте, а с другой, дикий нрав и длинная борода, конечно, придают маскулинности, но Распутин ассоциируется у меня исключительно со смутой, пьянством и гомофилией. Представляю, в «Ленине» гоу-гоу зажигает тебя первоклассной лекцией по научному атеизму. Ну ты пошляк, Игрек. Мальчики, кончайте умничать, ложитесь сюда, вот так, вот так, вот та-а-ак.

Вечеринка проводилась на нулевом этаже, под землёй. Друзей встретила знакомая хрупкая блондинка с колокольчиком. В просторном помещении звучала музыка. Под заводной олдскул в тусклом голубом свете танцевали рок-н-ролл – кто парами, кто поодиночке. Танцпол упирался в невысокую сцену. Сегодня она пустовала. Ударная установка, бас-гитара и микрофоны будто предали забвению.

У дальней стены расположились столики. Друзья заняли свободный. Соседи показались им странными. По левую сторону пылко спорили двое. Усатый блондин с прибалтийским акцентом, одетый в потёртую кожаную куртку и армейские брюки, упрямо доказывал что-то богатырского сложения старику в холщовой блузе и мешковатых штанах. Справа от друзей кудрявый парень в смокинге угощал кальяном двух ребяташек. Вы разговариваете по-казански, полюбопытствовал кудрявый. Нет. Извините, думал, вы местные. Нет, а вы откуда? Недавно я вернулся из Бразилии. Вот как. А ещё моя жена недавно изобрела чудесную астрономическую теорию.

Узнать, какую теорию, не довелось из-за официанта. Друзья заказали пасту, пиццу «Амиго» с секретными ингредиентами и брусничный морс. Официант, у вас есть вино? Мы не держим спиртного.

Заиграла бессмертная «Дорога в ад». Танцевавшие моментально перестроились на ритм австралийских рокеров. Освещение сменилось с голубого на багровое. Взгляды Алекса, Игоря и Вероники приковали передвижения теней на танцполе. Тени жили: скользили, метались, застывали.

Из багрового мрака выплыл Анвар Спиридонович и подсел к иркутянам. Вам нравится музыка? О да, моя юность: кругом тащились по Шакире и Бритни, а я разучивал соло-партии «Свинцового дирижабля» и покупал рок-атрибутику. Иногда мне трудно разобраться: то ли музыка измельчала, то ли я душой остался в семидесятых. Наверное, и то, и другое, потому что и журналистика измельчала в наш век скандалов и сенсаций, как журналист говорю. Верно, Игрек, я даже больше скажу: anomия не просто захватила искусство и публицистику, она определила картину мира.

Когда заиграл Фрэнк Синатра, подали заказ. Голодные путники моментально смели с тарелок первую классную пасту и не замедлили приступить к пицце «Амиго» с секретными ингредиентами. Анвар Спиридонович с детским любопытством заглядывал в пустеющие тарелки, отчего смущённый дизайнер поперхнулся морсом. Будьте здоровы. Спасибо. Когда в фильме наступает напряжённый момент, отъявленный негодяй рассказывает поучительную историю об отце или о бабушке, не правда ли? У меня харпаксофобия, ваши шутки меня настораживают. А как вам такая шутка: тайный ингредиент пиццы – это писательская делегация из Саратова, посетившая славный город Казань. Я думаю, я сумела бы питаться человечинной в экстремальной ситуации, я не брезгливая. Бэ, Вероника, что за гадости. Ответьте, любезная, а вечеринка каннибалов или сатанистов – это экстремальная ситуация? Пожалуй, да, если не предусмотрены зрители или жюри. Жюри – это перспективно, надо поразмыслить над этим.

Разговор прервали аккорды чудесной песни. Раздался легендарный треск погремушки гремучей змеи. Слабый свет заструился по танцполу, пробиваясь сквозь темноту, словно белый кит сквозь толщу волн. Очертания приобрели зловещую сумеречную зримость. Воскресившее семидесятое годы песенное вступление точно заморозило танцевавших, они выстроились в ряд и торжественно прошествовали к столикам, как по зову. Анвар Спиридонович подал знак. Послышалось лязганье столовых приборов, официанты принялись разносить тарелки.

Анвар Спиридонович с офицерской удалью, не замеченной за ним ранее, взбежал на пустовавшую сцену и схватил микрофон. Умолкли последние аккорды. Я не раз утверждал, что девальвация духовных ценностей – бич современной цивилизации. С этой точки зрения, в один ряд уместятся самые разнородные, кажется, явления: нетрадиционные браки, поверхностное увлечение религией, гонка за доходами, обожествление индустрии развлечений, недоверие к соседям, предчувствие катастрофы. Ориентиры сбились, наши дети растут на комиксах «Марвел», а не на Корнее Чуковском и Николае Носове, как мы. Цивилизация заблудилась и ждёт своего Данко. Напрасно. Единственный шанс выбраться из леса – это безукоризненно следовать традициям. Верить в Бога, ценить близких, окружать почётом гостей. В девятнадцатом веке татары не отпускали гостя до тех пор, пока не накормят его всеми угощениями в доме и не разопьют с ним два самовара чая. Любой путник, кем бы он ни был, получал радушный приём. Настало время возродить обычаи. Сегодня мы рады приветствовать гостей из достославного Иркутска. Вероника, Игорь, Алексей, это ваш вечер. Объявляю его открытым.

Едва последнее слово слетело с губ Анвара Спиридоновича, как на друзей набросились. Кудрявый парень в смокинге мастерским ударом ноги выбил стул из-под журналиста. Старик в холщовой блузе накинул самодельную петлю на шею дизайнеру, а прибалт в кожанке выхватил из кобуры наган и рукояткой врезал Алексу по лицу. Вопль заглушил хруст сломанного носа, кровь потоком хлынула на скатерть и белую рубашку. Из-за столов подскочили остальные. Блеснула сталь вилок и ножей. Феноменально. Как фильм Никиты Михалкова про Иена Кёртиса, если бы такой был снят. В кино жертвы сопротивляются дольше. Не говорите, Адель Савельевич, не говорите. Кем бы они ни были, смерть они встречают одинаково.

Пытавшийся выползти из-под опрокинутого стола Игорь получил носком в челюсть. Кудрявый предвкушал торжество. Ещё никогда ему не удавалось вогнать кальянную трубку в глазницу с первой

попытки – мешала неизживаемая брезгливость и смущение перед детьми.

Уже разнесли тарелки и столовые приборы, изящно завернутые в салфетки. Настало время ужина. Как утверждал хозяин, отведать человека – это узнать его, сблизиться с ним, превратить его в частичку себя. Разве все великие религии не учат тому, что разобщённость – это плохо? Что равнодушие – это безнравственно? Подчёркнутый интерес к личности, к внутреннему миру её – вот что противостоит дегуманизации, инвалидной коляске для человечества, которую вот-вот и некому будет катить.

Вероника чудом вырвалась, оставив кусок ткани в руках одного из психопатов. Под разорванной блузкой показались тёмные полосы, следы от пастушьей плётки. В сумрачном коридоре девушка попала под перекрёстные взгляды недосыгаемых. С чувством собственного превосходства они взирали на неё с фотографий на стенах. То был пантеон или паноптикум, приводивший в смятение своими видами на тебя. Вероника замешкалась, в спину ей ударила хлёсткая струя воды и сбила с ног. Анвар Спиридонович держал перед собой шланг, как автомат. Ну, я так не играю. Как неживая всё равно. Хозяин приблизился к Веронике и направил струю ей в лицо. А нечистым трубочистам стыд и срам, стыд и срам.

Об авторе: БУЛАТ ХАНОВ

Родился в Казани. Прозаик, критик, кандидат филологических наук. Участник форумов молодых писателей в Липках, финалист премии «Радуга», лауреат премии «Лицей» (3-е место). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Идель», «Казань». Neкаýalar